

Евнух Лянь в нерешительности замялся.

— Удельная княжна хочет, чтобы её покорный слуга вызволил вас?

— Вовсе нет, — отрезала Цзян Юньшань и мягко, едва заметно улыбнулась. — Я лишь прошу евнуха поведать чистую правду: как именно канцлер Сюй подставил резиденцию князя Юйсяня? О большем Юньшань и помыслить не смеет.

Евнух Лянь всё ещё колебался. Цзян Юньшань ждала, сохраняя абсолютное, ледяное спокойствие.

Наконец, взвесив все за и против, он принял решение.

— Последние два года отношения между канцлером Сюем и князем Юйсянем были хуже некуда, — заговорил он. — А началось всё с того, что князь, расследуя одно дело, поступил строго по закону и приказал казнить племянника канцлера. Тот затаил лютую обиду и с тех пор то и дело вставлял его светлости палки в колёса.

Он перевёл дух и продолжил:

— Несколько месяцев назад князь перекрыл речные пути, разом лишив господина Сюя огромных доходов. Вот тогда канцлер и решил избавиться от соперника во что бы то ни стало. Зная, что в землях Цзяннань простой народ боготворит князя, он подговорил местных жителей воздвигнуть в его честь храм прижизненного почитания. Одновременно с этим канцлер подкупил цзяннаньских уездных начальников, и те тайно отправили во дворец совместный доклад о якобы зреющей измене князя. Вдобавок Сюй нашептал Его Величеству, будто у князя есть тайное войско. После такого удара его светлости уже не оправдаться.

Цзян Юньшань посмотрела на него — в её глазах застыла глубина тёмного омут, скрывающего опасные течения. Всё подтвердилось! Сбылись её худшие опасения.

Евнух Лянь уловил эту перемену. Девушка перед ним казалась всё более непредсказуемой и опасной. В его голосе невольно промелькнули заискивающие, почтительные нотки:

— Удельная княжна, ваш покорный слуга поведал всё без утайки. Прошу лишь об одном: если судьба вновь улыбнётся вам и вы вернёте былое величие, не забудьте о моей услуге.

Цзян Юньшань не спеша поднялась и удостоила евнуха Ляня едва заметным кивком. На её губах заиграла тонкая, ироничная усмешка.

— Ну что вы, евнух Лянь, к чему такие громкие слова? О долгах говорить рано, но прямо сейчас я могу предостеречь вас.

— Слушаю вас, удельная княжна.

— Неужели вы и впрямь верите, что за всем этим стоит один лишь канцлер Сюй? — Цзян Юньшань насмешливо прищурилась.

Евнух Лянь невольно сглотнул застрявший в горле ком.

Цзян Юньшань развернулась, собираясь вернуться в камеру. У самого порога она небрежно бросила через плечо:

— У вас ведь старые счёты с моим отцом, верно? Нынешний упадок Управления императорских слуг — его рук дело. И вы, должно быть, люто его ненавидите?

Эти слова поразили евнуха Ляня подобно грому среди ясного неба. Он вскинул голову, но перед ним уже высилась лишь удаляющаяся спина девушки. Её тихий, вкрадчивый голос долетел из темноты коридора:

— И канцлер Сюй, и вы сами — всего лишь пешки на этой доске.

Пешки в руках императора.

Мысли евнуха Ляня пустились вскачь. «А ведь верно...» Князь Юйсянь всегда держался в стороне от придворных интриг. Почему же несколько лет назад дело племянника канцлера император поручил именно ему? Да чтобы стравить их!

Почему государь сквозь пальцы смотрел на бесчинства и взяточничество канцлера Сюя? Лишь для того, чтобы разжечь недовольство прямодушного князя!

А история с перекрытием речных путей и вовсе стала последней каплей, раздувшей это пламя до небес. Канцлер Сюй нанёс сокрушительный удар, стерев князя Юйсяня в порошок. И даже теперь, когда делом о государственной измене должен был заниматься Верховный суд, император поручил допрос ему, Ляню, прекрасно зная о его давней обиде на князя!

«О Величие... Государь, ну и партию вы разыграли!»

Евнух Лянь горько, обречённо усмехнулся.

«Князь Юйсянь, уличённый в умысле на измену и мятеж, проявил закоснелое упорство и вины своей не признал. По закону деяние сие карается усекновением главы, однако, снисходя к его родству с императорским домом, даровать ему чашу с отравленным вином. Отпрысков его лишить всех титулов и званий, обратить в рабство и сослать на каторжные рубежи».

Монастырь Безмятежного Покоя

Вэнь Сюань и Чан Вэньчжэн сидели друг против друга в гнетущем молчании. Князь Юйсянь, всю жизнь отличавшийся редким благородством и прямоотой, ушёл... Вот так бесславно сгинул.

— Слышал я, господин Линь пытался ценой собственной жизни доказать невиновность князя, — со вздохом нарушил тишину Чан Вэньчжэн. — Да только всё без толку. Эх... Какого человека потеряли.

Вэнь Сюань остался безучастен:

— Император планировал это слишком долго. Разве мог он пощадить князя Юйсяня из-за упрямства одного чиновника? Господин Линь всю жизнь радел о благе государства и народа, а столь простых истин на склоне лет так и не уразумел.

— Он был истинным мужем отечества, Яньцин. Не смей отзываться о нём так пренебрежительно, — строго осадил его Чан Вэньчжэн.

Вэнь Сюань лишь горько усмехнулся:

— Мужем отечества? Лезть на рожон, зная о неминуемой гибели, — это не верность долгу. Это обыкновенное упрямство и глупость.

— Да как ты... — Чан Вэньчжэн нахмурился, явно недовольный его цинизмом. — Как у тебя язык поворачивается такое говорить?

— А разве я не прав? — Вэнь Сюань открыто встретил суровый взгляд дяди. — Как вы думаете, дядя, почему я в столь юные годы уже возглавил министерство?

Чан Вэньчжэн лишь тяжело вздохнул. Кому, как не ему, знать истинную причину.

— Потому что я умею вовремя распознавать, куда дует ветер, — ровным тоном продолжил Вэнь Сюань. — Когда бушует буря, моя единственная цель — удержать на плаву семьи Вэнь и Чан. Всё остальное меня не заботит.

— Но если разорят гнездо, уцелеет ли хоть одно яйцо? — глухим голосом спросил Чан Вэньчжэн.

— Мы сейчас находимся за пределами этого гнезда, — отрезал Вэнь Сюань. — Я взял у Его

Величества несколько дней отдыха под предлогом внезапного недуга. Вернусь в столицу лишь тогда, когда там всё утихнет.

Чан Вэньчжэн снова вздохнул и после недолгого молчания спросил:

— А как быть с Вэнь Баем?

— Просто ничего ему не говорите, — равнодушно отозвался Вэнь Сюань.

Чан Вэньчжэн покачал головой, в его глазах отразилось сочувствие:

— Он ведь с детства дружен с наследным принцем Цзян Янем. Если Сяо Бай обо всём разузнает, он тебе житья не даст, устроит такой бунт, что мало не покажется.

Вэнь Сюань молча потёр переносицу. Ответить ему было нечего.

В этот момент в дверь негромко постучали.

— Войдите, — не меняя тона, бросил Вэнь Сюань.

На пороге появился Вэнь Бай. Вэнь Сюань поднял на него взгляд. Лицо младшего брата казалось маской абсолютного спокойствия.

— Что случилось? — спросил старший.

— Я возвращаюсь в город Тяньюань, — без лишних предисловий вылил Вэнь Бай.

Чан Вэньчжэн поперхнулся воздухом. Вэнь Сюань вперил в брата пронзительный взгляд, выискивая малейшую слабость, и на мгновение маска Вэнь Бая действительно дрогнула. Глубоко вздохнув, он прямо посмотрел брату в глаза:

— На улице только об этом и твердят. Я всё знаю.

— И что с того? — фыркнул Вэнь Сюань. — Какая от тебя там польза?

— Никакой, — честно признал Вэнь Бай.

Вэнь Сюань на мгновение лишился дара речи — столь обезоруживающей была эта откровенность.

— Но и здесь от меня проку мало, — твёрдо продолжил Вэнь Бай. — Если я останусь, меня заживо сожрёт собственная совесть. Раз уж я ничем не могу помочь, то хотя бы поступлю по совести.

Услышав это, Чан Вэньчжэн едва не подскочил на месте и с размаху ударил себя ладонью по бедру:

— Ай да малый! Вот это верность!

Вэнь Сюань одарил дядю столь ледяным взглядом, что тот мгновенно притих и отвёл глаза.

— Я пошёл, — негромко бросил Вэнь Бай и развернулся к выходу.

— Стоять! — громыхнул Вэнь Сюань.

Однако младший брат даже не обернулся. Сохраняя на лице полную невозмутимость, он вышел за дверь и тут же сломя голову помчался на задний двор. В несколько движений отвязав лошадь, он легко взлетел в седло. Но не успел он проехать и пары шагов, как откуда-то сбоку раздался мягкий, певучий голос:

— Юный друг Вэнь Бай, куда это вы так спешите в столь неурочный час?

Вэнь Бай резко натянул поводья.

— Мастер Цзеюань! Простите, у меня срочное дело, вынужден откланяться. До встречи!

Старый монах лишь понимающе улыбнулся и сложил ладони в приветствии:

— Ступайте, юный друг, дела не ждут. Старый монах никуда не уйдёт из этой обители. Как только выкроите свободную минутку — возвращайтесь, побеседуем.

— Обязательно вернусь! — звонко рассмеялся Вэнь Бай.

Он погнал коня вперёд, мгновенно скрывшись в облаке дорожной пыли.

Тревога тисками сжимала грудь, но Вэнь Бай заставлял себя сохранять хладнокровие. Что сейчас происходит с Цзян Цзибаем? Жив ли он вообще? От безвестности перехватывало дыхание.

— Быстрее! Быстрее! — Вэнь Бай раз за разом опускал плетёную накрутку на крутые бока коня.

По самым скромным подсчётам, даже если скакать без сна и отдыха, дорога займёт не меньше двух дней. Двое суток... За это время может случиться всё что угодно, а он ничем, совсем ничем не сможет помочь!

В душу заползало горькое, удушливое раскаяние. Зачем он затеял эту глупую ссору? Зачем объявил ему холодную войну, зная несносный, упрямый характер Цзян Цзибая?

Чем больше он думал об этом, тем сильнее его грызло раскаяние.

— Быстрее же, лети!

— Ну же!

На безлюдном горном тракте разносился лишь гулкий перестук копыт. Но вскоре конь стал заметно сдавать и замедлил ход. Вэнь Бай помрачнел: верное животное едва ли выдержит такую скачку дольше нескольких часов, не то что двое суток.

В спешке он совсем позабыл, что лошадям тоже нужен отдых. Нельзя же загнать скакуна насмерть.

Вэнь Бай поспешно спешил, но в суматохе оступился и больно ударился о придорожный валун.

Чертыхаясь сквозь зубы, он ласково похлопал жеребца по взмыленной шее. Сердце исходило тревогой. Крепко сжав поводья, юноша пошёл вперёд, напряжённо всматриваясь в серую ленту дороги в надежде встретить хоть какую-то попутную повозку.

Спустя примерно полчаса до его слуха донёсся стремительно нарастающий гул. Вэнь Бай замер, прислушиваясь, и с замиранием сердца обернулся. Вдалеке показались несколько стремительно приближающихся всадников. Отчаянно замахав руками, он закричал во весь голос:

— Эй! Стойте! Помогите, прошу вас! Стойте!

Однако крик оборвался на полуслове, стоило всадникам подскочить ближе. Поднятая пыль осела, и перед ним предстали Вэнь Сюань, генерал Чан и личная гвардия брата.

Растерянно сжимая поводья своего измученного скакуна, Вэнь Бай во все глаза смотрел на неожиданных преследователей. Вэнь Сюань осадил коня прямо перед ним и смерил младшего брата ледяным, презрительным взглядом.

— Брат... — выдавил из себя Вэнь Бай.

— Что, спесь поубавилась? — зло бросил Вэнь Сюань. — Несись дальше, чего встал? Бежал так, что даже дослушать меня не соизволил!

Вэнь Бай виновато отвёл взгляд и неопределённо указал на своего коня:

— Да вот... загонял я его. Дальше идти не может.

Вэнь Сюань тяжело вздохнул и обернулся к одному из своих гвардейцев:

— Отдай своего коня второму молодому господину.

Воин без лишних слов соскочил на землю и протянул поводья притихшему юноше:

— Прошу вас, молодой господин Вэнь.

Вэнь Бай ошеломлённо уставился на старшего брата:

— Ты...

— Хватит попусту болтать! — раздражённо оборвал его Вэнь Сюань. — В седло, живо!

Вэнь Бай послушно и ловко вскочил на свежего скакуна. Чан Вэньчжэн приблизился к нему и, заговорщицки подмигнув, негромко рассмеялся:

— Эх, глупый ты малец! Твой брат ведь потому и велел тебе стоять, что сам собирался ехать с тобой!

Вэнь Бай смущённо поскрёб затылок и благодарно улыбнулся старшему брату:

— Спасибо тебе, брат.

— Отец всё ещё в столице, и я беспокоюсь лишь о его безопасности, — сухо отчеканил Вэнь Сюань, демонстративно отвернувшись.

Генерал Чан с усмешкой оглядел обоих братьев. Два сапога пара, хоть один вечно хмур, а второй улыбается до ушей. Сразу видно — родная кровь.

Императорская темница

Цзян Юнь отрешённо, без тени страха взирал на человека, облачённого в расшитые золотыми драконами императорские одеяния.

— Старший брат, я пришёл проводить тебя в последний путь, — негромко произнёс император Хундао.

Цзян Юнь горько и бессильно усмехнулся:

— К чему весь этот фарс?

Император Хундао на мгновение умолк, а затем глухо спросил:

— Значит, ты всё-таки понимаешь, как нелегка моя доля?

Цзян Юнь промолчал.

Император Хундао безучастно смотрел на узника.

— Брат, почему ты просто не мог избавить меня от этих забот? Подумай сам, ведь ты когда-то лично передал мне бразды правления. Так по какому праву ты столько лет грезил о возвращении престола? Неужели я обделил тебя своей милостью? Плохо ли я относился к тебе, к Цзибаю или к Юньшань? Что мешало тебе спокойно носить титул князя Юйсяня и наслаждаться покоем? Зачем, во имя всех предков, ты вновь полез в пучину придворных интриг?!

— Довольно! — властно оборвал его Цзян Юнь, прерывая лавину упрёков.

Шатаясь от слабости, он с трудом поднялся на ноги и смерил правителя презрительным взглядом, указав на него дрожащим пальцем:

— Я по собственной воле возвёл тебя на этот трон! Но взгляни, во что ты превратил империю за эти годы! Попустительствовал казнокрадам и льстецам, душил народ непосильными поборами ради строительства роскошных дворцов и погряз в бесстыдном блуде!

— И это, по-твоему, даёт тебе право посягать на мою власть?! — теряя всякое самообладание, взревел император Хундао.

— Мне никогда не нужен был твой трон! — воскликнул Цзян Юнь, и его глаза налились кровью от душивших его слёз. — Но я обязан был защитить своих детей! Я должен был проложить для

Цзибая и Юньшань безопасный путь. Когда меня не станет, кто поручится, что ты не сотрёшь их в порошок при первой же возможности?

Император Хундао опешил, не найдя слов для ответа. Цзян Юнь горько покачал головой:

— Неужели ты думал, что я не ведаю истинных причин твоей показной доброты к Цзибаю?

Губы императора Хундао искривились в странной, пугающей усмешке:

— Но у тебя ведь так и не хватило духу заговорить об этом вслух.

— Да, у меня не хватило духу, — с самоиронией признал Цзян Юнь. — Будь я решительнее, то никогда не оказался бы в этих застенках... Я до последнего верил, что в твоём сердце осталось хоть капля братской любви.

Император Хундао презрительно фыркнул:

— Братьев не бывает среди тех, на чьих плечах лежит бремя власти.

При этих словах Цзян Юнь мгновенно подобрался, в его взгляде вспыхнула тревога:

— Что ты задумал против Юэ-эра?

— Юэ-эр? — Император Хундао одарил брата равнодушным взглядом. — Он куда покладистее тебя. Так что ступай с миром, брат. Ни о чём не беспокойся.

Цзян Юнь медленно подошёл к грубому деревянному столу. Повернувшись к императору спиной, он твёрдой рукой поднял позолоченный кубок и осушил его до дна. Затем он плавно опустился на холодные каменные плиты пола, так и не обернувшись к своему палачу.

Император Хундао молча стоял позади, не проронив ни звука. Время словно застыло в душном полумраке камеры, пока тело Цзян Юня окончательно не обмякло и не завалилось набок.

Заметив, как из уголка губ покойного потянулась тонкая струйка тёмной, почти чёрной крови, император Хундао вздрогнул. В его глазах отразилось сложное, нечитаемое чувство.

— Брат? — негромко позвал он.

В ответ раздавался лишь зловещий шорох сквозняка. Из глубины длинных, тонущих во мраке тюремных коридоров донёсся лишь тихий, полный скрытой скорби вздох:

— Прощай, брат...

<http://bllate.org/book/19392/1999288>